

особые связи с политическим миром. Например, в 2006 г. корпорация была вынуждена защищаться в суде в связи с иском против нее от одной из общественных организаций. Суть иска заключалась в том, что корпорация внесла перед самым эфиром существенные изменения в передачу образовательного канала NHK о так называемых «комфортных женщинах» – корейках, насильственно обращенных в сексуальное рабство в период оккупации Кореи японской императорской армией³¹. Изменения эти заключались в том, что из передачи были вырезаны многие интервью бывших японских военнослужащих, в неприглядном свете выставляющих политику японских оккупационных властей. В суде вскрылось, что дополнительное редактирование уже готовой передачи было произведено сразу после встречи руководящих работников NHK с депутатами нижней палаты японского парламента от ЛДП, на которой обсуждался вопрос об утверждении парламентом бюджета компании на предстоящий финансовый год. Несмотря на попытки компании представить дело так, будто редактирование передачи было частью творческого процесса, суд признал факт давления со стороны политической власти и оштрафовал NHK на 2 млн. иен. Примечательно, что в вердикте суда прямо говорилось об отказе компании под давлением правительства на собственное мнение в редакционной политике³².

Весьма поучителен опыт NHK в проведении финансово-управленческой реорганизации, поиск ею оптимальной модели менеджмента, которая позволит наилучшим образом обеспечить ее деятельность как общественной телерадиовещательной корпорации. Этот опыт, возможно, даст ответ на принципиальные вопросы. Возможно ли в современном мире создать подлинно независимое общественное телевидение? Есть ли в современном мире механизмы, гарантирующие такому телевидению финансовую, управленческую и юридическую независимость от внешнего вмешательства? Именно такая независимость, наряду с профессионализмом журналистского корпуса и соблюдением им строгих этических норм создают общественному телевидению высокий уровень доверия со стороны зрительской аудитории. В этом смысле пример Японии, где бюджет NHK по-прежнему формируется за счет добровольных пожертвований граждан, которые ассигнуют свои средства не под страхом судебного преследования, а сознательно, заслуживает самого пристального рассмотрения.

³¹ Асахи симбун. 30.01.2007.

³² Асахи симбун. 30.01.2007.

Китайская община в Японии: вчера и сегодня

Н. Е. Ковригин

Япония в 1990-х годах встретилась с новым феноменом – весьма быстрым расширением присутствия этнических китайцев на своей территории. Пока что этот процесс весьма строго контролируется японским законодательством, и сейчас численность выходцев из Китая в стране составляет около 700 тыс. человек. Но в принципе отток, скажем, 5–6 млн. китайцев, едва заметный для КНР, был бы способен существенно изменить социальную и этническую ситуацию в Японии, особенно учитывая то, что ее население с 2007 г. стало сокращаться. Вероятнее всего, отток китайцев на Восток будет продолжаться, причем результаты этого процесса, скорее всего, будут противоречивы, а порождаемые им проблемы – достаточно сложными и неоднозначными. Сразу же следует подчеркнуть, что перебазирование в Японию сильно отличается от китайских миграций в другие страны мира и стоит в этом смысле как бы особняком.

Нужны ли Японии китайские мигранты?

В мире сложно найти страну, где бы не было китайских мигрантов. В настоящее время за пределами КНР (не считая Тайваня) на постоянной или временной основе проживает около 40 млн. этнических китайцев (*хуацяо*), а сама история китайской миграции насчитывает не одну сотню лет. За века общины *хуацяо* сумели глубоко внедриться в экономику и, в особенности, в торговлю многих сопредельных, а порой и весьма удаленных от Китая стран. В Индонезии, Малайзии, Камбодже, на Филиппинах, в Таиланде и прочих государствах им удавалось установить контроль над внутренней и внешней торговлей. В 1990-х годах в Индонезии, например, составляя около 4% от общей численности населения, этнические китайцы контролировали около 70% экономики. Не чужды они (или лица со смешанной китайско-туземной кровью) и политических амбиций: в жилах бывшего президента Филиппин Корасон Акино течет китайская кровь, а палач камбоджийского народа Пол Пот был наполовину китайцем. Естественно, этническими китайцами являются и руководители города-государства Сингапур. Даже в таком отдаленном месте, как канадский город Ванкувер (провинция Британская Колумбия), около 20% населения составляют *хуацяо*, а в главном университете провинции число китайских студентов достигает 25% от общего контингента. На выборах 2007 г. в Австралии лейбористская

партия победила (а ее лидер Кевин Радд стал премьер-министром) во многом благодаря поддержке именно китайской общины.

Возвращаясь к Восточной Азии, отметим, что только три страны избежали контроля китайцев над своей экономикой. Это – Северная Корея, Южная Корея и интересующая нас Япония. Однако численность китайцев в Японии продолжает неуклонно расти. В иностранной диаспоре Японии китайцы еще совсем недавно занимали второе место, слегка уступая корейцам (28,7%). По официальным данным, на конец 2006 г. в Японии проживала 561 тыс. китайцев, а в 2003 г. – 462 тыс. человек. К 2008 г. китайская община обогнала по численности корейскую, став самой крупной иноэтнической группой в Японии. В городах сплошь и рядом можно услышать китайскую речь. Таким образом, налицо весьма стремительный абсолютный и относительный рост численности китайцев в Японии.

Принципиально важно то, что этот процесс накладывается на серьезный демографический кризис, который переживает принимающая страна. Это – кризис, заключающийся в старении населения и сокращении численности его работающей части. Японское население стареет настолько быстро, что если верить прогнозу ООН, до 2050 г. стране потребуется ежегодно «импортировать» около 600 тыс. рабочих, чтобы поддерживать численность экономически занятого населения, не говоря уже о международной конкурентоспособности Японии; встречаются прогнозы и до 1 млн. человек в год. Уже сейчас многие отрасли японской экономики – автомобильная и химическая промышленность, строительство и т. д. – функционируют в основном за счет трудовых (легальных и нелегальных) мигрантов. Острая нехватка рабочих рук ощущается в ресторанно-гостиничном бизнесе, а также в сфере ухода за пожилыми людьми – пенсионерами, чья численность с каждым годом растет. Очевидно, в настоящее время только Китай обладает достаточными ресурсами для того, чтобы обеспечить потребности Японии в рабочей силе. Расширение китайской диаспоры оказывает влияние как на повседневную жизнь социумов крупных городов, так и на внутреннюю политику государства. Японское правительство, с одной стороны, ощущает необходимость в привлечении иностранных мигрантов, но с другой – ограничено иммиграционным законодательством и общественным настроением. Стремясь сохранить социальную стабильность, руководство страны вынуждено создавать полуофициальные механизмы, обеспечивающие приток иностранных трудовых мигрантов в страну.

Демографический кризис переживает не только экономика Японии, ее сфера услуг и социальной защиты. На пороге затяжного кризиса стоит большинство японских университетов, что, в первую очередь, связано со снижением рождаемости и начавшимся сокращением населения страны. Система высшего образования очень скоро начнет испытывать нехватку студентов из числа собственного населения. Болезненному

сокращению преподавательского состава (в целях экономии) может противостоять только приток иностранных студентов из-за границы. Из-за иероглифической системы письма, принятой в Японии, рассчитывать приходится в основном только на молодых китайцев и в определенной степени на корейцев. Жители других азиатских стран, а тем более европейских и американских, в качестве студентов будут приезжать в Японию лишь в минимальных количествах. Фактически в стране уже развернулась конкуренция за студентов и стажеров из Китая.

Между тем, сыграв в 1980-х годах роль авангарда китайской миграции и заложив основы «новой» китайской общины в Японии, китайские выпускники японских вузов в последнее время все более активно участвуют в расширении японо-китайских торгово-экономических связей и как сотрудники японских компаний, и как частные предприниматели. На почве соприкосновения деловых интересов наметилась тенденция на сближение мигрантов новой волны с бизнесменами из «старой» китайской общины в Японии. Вероятно, в перспективе, в лице китайской диаспоры мы сможем наблюдать появление на японских островах новой экономической силы.

В основе формирования и развития миграции китайцев в Страну Восходящего Солнца лежит сложный комплекс внутренних и внешних факторов, а путь этой миграции весьма извилист. Как явление миграцию обычно разделяют на постоянную (эмиграцию) и временную. Эмиграция заканчивается интеграцией в местное общество чаще всего уже во втором поколении. Поэтому наибольший интерес и значение представляет временная миграция, поскольку временный резидент, с одной стороны, взаимодействует с принимающим обществом, влияет на него и испытывает влияние с его стороны. В то же время, он сохраняет активные связи с домом, выступая своеобразным связующим звеном между двумя мирами. На нынешнем этапе среди временных китайских мигрантов в Японию выделяется несколько основных категорий: студенты, технические стажеры и нелегальные мигранты. Поведение каждой из них имеет характерные, и даже уникальные, особенности как в самом миграционном процессе, так и во взаимоотношениях с японским обществом.

Люди в принимающих странах, за исключением специалистов, редко задумываются о географии и районировании Китайской Народной Республики, о том, что это многонациональная страна. Для них все приезжие оттуда являются просто китайцами, которых становится все больше и больше. Между тем, не все так однозначно. Основную миграционную базу до сих пор формировало население преимущественно трех южных приморских провинций – Гуандун, Чжэцзян и Фуцзянь. Исторически именно в этом ареале были развиты традиции мореплавания, а их жители знали о внешнем мире намного больше, чем другие китайцы. Именно здесь располагались основные центры контактов с западной

цивилизацией – Шанхай, Гуанчжоу (Кантон), Гонконг и т. д. Поэтому жителям этой части страны традиционно присуща так называемая «миграционная ментальность», служащая одним из главных стимулирующих факторов для длительных отлучек за рубеж. Именно здесь зародились основы сложного механизма, в котором переплетены уже существующие зарубежные диаспоры, родственные отношения, государственные органы, отвечающие за экспорт рабочей силы, а также преступные организации, переправляющие нелегальных китайских мигрантов в другие страны.

Временный характер пребывания большинства китайских поселенцев, с одной стороны, обуславливает способы адаптации к принимающему обществу, а с другой – сам обусловлен наличием ряда структурных факторов. Среди них важную, если не ключевую, роль играет миграционная традиция и миграционный менталитет. Именно наличием миграционной традиции в южных приморских провинциях объясняется то, что многие местные семьи издавна выбирают «командировку за границу» как средство подъема благосостояния и расширения своей экономической базы.

В приморских провинциях именно семья формирует экономические ожидания в отношении потенциального мигранта, она стимулирует его выезд за границу, обеспечивает связь мигранта с родиной и его поддержку, она же является гарантом легкой реинтеграции возвращающегося мигранта. Таким образом, отправка мигранта за границу – это семейная стратегия: члена семьи отправляют на заработки; когда вернется один, за рубеж отправляется другой (или другие). Для жителей регионов-экспортеров ротация за границу и обратно является способом экономического воспроизводства.

Население же внутренних провинций, хотя и активно меняет местожительство в пределах КНР (внутренняя миграция ежегодно достигает гигантских объемов – около 100 млн. человек), фактически не имеет отношения к росту внешней миграции. Здесь (за небольшими исключениями) отсутствуют и традиция, и механизм миграции в другие страны.

Таким образом, имеются три традиционные провинции, поставляющие трудовые ресурсы из Китая, три категории «временных» мигрантов. Схожим образом, и история проникновения представителей китайского этноса на соседний архипелаг делится на три этапа, очень непохожих друг на друга.

В 1842 г. Сянган (Гонконг) стал британской колонией, и вскоре после этого через него началась миграция китайцев в различные уголки земного шара. Этим было положено начало первому после открытия страны этапу китайской миграции. Отмечались заметные всплески выездов после «опиумных» войн 1840–1842 и 1856–1860 гг., а после того как в 1860 г. цинским правительством были официально сняты запреты

на выезд из страны, миграционные потоки набрали еще большую силу. Второй период охватывает социалистическую эпоху Мао Цзэдуна и его непосредственных преемников. Третий период миграции начинается с приходом к власти руководства КНР во главе с Дэн Сяопином в 1978 г. и провозглашения «политики реформ и открытости», после чего миграционные потоки из КНР год за годом начали набирать все большую интенсивность.

Историческая ретроспектива китайской миграции в Японию

Разумеется, и до «опиумных» войн Китай и Японию, как ближайших соседей, связывали многовековые отношения. Однако всплеск межгосударственных контактов, обмена посольствами, людскими потоками и пр. пришелся на время правления в Китае династии Тан (618–907 гг.).

Документально подтвержденные данные о присутствии китайцев на территории современной Японии относятся к нашей эре. Китайская община в Японии со временем стала весьма многочисленной и состояла из политических эмигрантов (членов или сторонников очередной свергнутой династии), монахов-проповедников, ремесленников, торговцев и представителей прочих профессий. Китайцы не только проживали на территории Японии, но и играли важную роль в знакомстве японцев с достижениями китайской цивилизации.

Несмотря на самоизоляцию Японии от внешнего мира после издания в 1630-х годов сёгуном Токугава Иэмицу указов о закрытии страны и ряда других антииностранных актов, отношения Японии с Китаем не прервались. Китайцам (конечно, в ограниченном количестве) было и дальше позволено приезжать и жить в Японии. Но в XVII – первой половине XIX вв. миграции из Китая в Японию препятствовала также и изоляционистская политика самого цинского государства. Конец политике «обоюдной» самоизоляции и запрету на выезд был положен лишь с приходом в эти страны западных держав в середине XIX в.

Началу миграции из цинского Китая за рубеж способствовали как ухудшение экономической и политической ситуации внутри страны, так и ряд внешних факторов, а именно, ситуация в принимающих странах. Фундамент, заложенный первыми китайскими мигрантами во второй половине XIX в., обусловил характер и схемы дальнейшей миграции китайцев во многие регионы мира, которые и по настоящее время являются основными пунктами ее назначения.

После окончания первой «опиумной» войны (1840–1842 гг.) китайское правительство было вынуждено открыть для иностранной торговли портовые города: Гуанчжоу, Сямынь (Амой), Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Через эти порты, а также через Гонконг и Макао началось активное продвижение китайцев за рубеж. Обнаружение золота в горах на западе Соединенных Штатов в 1848 г., в Южной Австралии в 1851 г. и на западе

Канады в 1858 г., а также начало крупномасштабных инженерных проектов в этих странах дало толчок началу мощного миграционного движения из Китая, особенно в США. Однако, несмотря на полезную роль, которую играли китайцы в американской экономике преимущественно в качестве чернорабочих (*кули*), достаточно скоро обозначилось существенное ухудшение в отношении к ним белого населения и политиков. Именно в связи с китайцами уже в 1870-х годах возникло алармистское понятие «желтой угрозы»¹.

Ширящиеся социально-этнические противоречия вынуждали правительство США, а также власти Канады, Австралии и Новой Зеландии вводить антикитайские законы и постоянно ужесточать иммиграционную политику. В результате подобных действий вокруг этих стран постепенно выросла так называемая «Великая белая стена». Миграция китайцев была фактически запрещена, а уже проживающие там *хуацяо* становились объектом дискриминации как со стороны властей, так и со стороны местного населения. Реакцией китайцев стала консолидация китайских общин в локальные анклавные – чайнатауны.

В отличие от Соединенных Штатов и британских владений в Новом свете, китайские общины в странах Западной Европы стали формироваться позже, поскольку там возможности получения такого высокого дохода как в США были меньше; да и ситуация на европейских рынках труда во второй половине XIX в. отличалась от положения на аналогичных рынках США. Тем не менее, и в европейских центрах сформировалась принимающая база, хотя и в меньших масштабах.

Китайские общины в Северной Америке, Европе и Океании поддерживали почти неразрывную связь с отправляющим их китайским обществом, обеспечивая ротацию мигрантов – возвращение «старых» и приезд новых. После открытия КНР и начала нынешнего этапа миграции китайские диаспоры, сложившиеся еще до начала XX в., стали принимающими базами для новых мигрантов. В Японии, несмотря на значительный в прошлом объем миграции из Китая, к 1980-м годам такой базы фактически не оказалось.

Первыми китайцами, начавшими приезжать в Японию во второй половине XIX в., были торговцы, компраторы и обслуга представителей западных держав, включая также и ремесленников. Именно благодаря торговцам-компраторам и трудовым мигрантам в Японии начали появляться китайские анклавные в Нагасаки, Иокогама, Кобэ, Осака и т. д., развитие которых пришлось на очень сложный этап японо-китайских отношений: ломки старых стереотипов взаимного восприятия и формирования новых. Поначалу роль китайских купцов в экономике, прежде всего во внешней торговле Японии, была велика. Они контролировали торговлю Японии не только со своей страной, но также значитель-

ную часть товарооборота с Индией, Гавайями и другими территориями. Китайские мигранты, как это ни парадоксально, вносили весомый вклад и в «вестернизацию» Японии. Они были первыми, кто начал импортировать в страну керосин и керосиновые лампы, познакомили японцев с производством черного чая. В 1874 г. китайская община получила разрешение на установку на улицах Нагасаки газовых фонарей, которые в то время были новинкой.

По вполне понятным причинам в Японии китайские общины не могли восприниматься в качестве «желтой угрозы», как это случилось в США и Австралии (скорее, наоборот, в мире со временем этот эпитет укрепился за Японией). Более того, на первоначальном этапе своего существования эти общины обладали значительными привилегиями. В них существовали организации взаимопомощи, собственные банки и даже разветвленные органы самоуправления, официально признаваемые японскими властями. Более того, до 1899 г. китайские подданные пользовались в Японии правом экстерриториальности. Китайцы были крупнейшей иноэтнической группой в стране.

Между тем, успехи Японии на пути модернизации, знакомство с внешним миром, разочарование в ослабевшей цинской империи как источнике силы и культуры способствовало развитию у японцев чувства превосходства по отношению к китайцам. В прессе и на высшем уровне ширилась дискуссия о том, есть ли необходимость в нахождении китайцев в Японии. Однозначного отношения к китайским мигрантам не существовало ни на одном уровне. Несмотря на наличие определенной взаимной неприязни между китайцами и японцами, в стране не было расового антагонизма, сравнимого с тем, что имел место в США. Удар по китайской общине нанесла японо-китайская война 1894–1895 гг. Вследствие войны изменилась расстановка сил в Восточной Азии, структура торгово-экономических отношений и политические устремления японского руководства. Китайские торговцы утратили лидирующие позиции, необходимость в компраторах отпала, и китайская община стала терять свой вес.

Однако раны войны отодвинулись на второй план, и на смену торговцам на рубеже XIX–XX вв. пришли китайские студенты. По выражению Джона Фэрбэнга, «китайская студенческая миграция в Японию в первом десятилетии XX в. была, пожалуй, на тот период крупнейшим массовым выездом студентов за границу за всю мировую историю»². В отличие от миграции торговцев и рабочих, студенческая миграция из Китая в Японию определялась не объективными экономическими факторами, а внешне- и внутривнутриполитическими соображениями руководства обеих стран. В отправке китайских студентов в Японию были заинтере-

¹ Decornoy J. Peril jeune, peril blanche. Paris, 1970, p.269.

² Fairbank John King, Twitchett Denis Crispin. Liu Kwang-Ching. The Cambridge History of China, vol. 11, Late Ch'ing, 1800–1911, Part 2, Cambridge University Press, 1980, p. 348.

ресованы как цинское правительство, так и японские правящие круги. Решение о массовой отправке в Японию студентов определили новые взгляды китайской правящей элиты, пришедшей к выводу, что реформа общенациональной системы образования – это ключевой фактор модернизации страны. Переход к обучению за границей явился результатом ломки традиционного этноцентрического сознания китайского правящего слоя, осознания слабости Китая перед техническими достижениями западной цивилизации и более прагматичного подхода к развитию страны. Хотя китайские студенты отправлялись и в США, и в Европу, Япония стала основным пунктом их назначения. В 1902 г. число студентов достигло 400–500 человек, в 1903 г. – 1000, а к 1906 г. в Токио обучалось от 8 до 9 тыс. студентов из Китая; некоторые источники сообщают о 20 тыс.³ При этом в университетах США в тот период обучались лишь чуть более 100 студентов из Китая.

Появление китайских студентов приветствовала и японская правящая элита. Их прием на учебу казался ей частью миссии Японии как лидера Азии. В подходе японской стороны отражался и чисто практический подход. В Токио рассчитывали, что китайские учащиеся по возвращению на родину будут способствовать распространению влияния Японии и лояльности к ней, смогут продвигать ее политические и экономические интересы. Специально для студентов из Китая были созданы такие учебные заведения, как военная школа Сэйдзё Гакко. В числе прочих школ были Никка Гакудо, Кото Дайдо. В 1902 г. был основан Кобун Гакуин, в котором в разное время обучались: будущий первый главнокомандующий армии республиканского Китая Хуан Син, писатель Лу Синь и революционер Чэнь Дусю⁴. Курсы для китайских студентов открывались и при частных университетах, в том числе и в известном университете Васэда.

Поскольку первоначальный стимул для учебы за границей дали цинские власти, то в первые годы основную массу студентов составляли отпрыски элиты и лица с государственными стипендиями. Однако пример оказался заразительным, и в начале XX в. большую часть составляла уже молодежь, прибывшая за свой (или родительский) счет. Впрочем, японские образовательные учреждения оказались не готовы дать надлежащий уровень знаний такой массе студентов, многие из которых были слабо подготовлены в принципе и не смогли активно овладеть даже японским языком. Это приводило к низкому качеству обучения. Большинство студентов посещало сокращенные курсы и, как

следствие, их пребывание в Японии было недолгим. Непосредственно в университетах обучался всего 1% китайских студентов⁵.

Период студенческой миграции совпал с периодом роста в Японии националистических и шовинистических настроений. Китайские студенты, как и прочие категории азиатских мигрантов, часто становились объектами презрительного отношения со стороны японцев. Тем не менее, это не оказывало негативного влияния на развитие китайской общины в Японии. Численность студентов-мигрантов росла за счет цепной реакции, вообще характерной для китайской миграции: возвращавшиеся на родину агитировали других отправиться на учебу в Японию. Для большинства китайского студенчества того периода Япония не являлась источником материальных благ – у мигрантов не было стимула оставаться в этой стране и укреплять свои позиции. Студенты рассчитывали, прежде всего, на то, что возвращение с японскими дипломами обеспечит им карьеру и более высокий статус у себя дома.

В конце концов, схлынула и «студенческая» волна. Негативное влияние на численность китайских студентов, их положение и характер миграции оказала растущая политическая активность этой категории мигрантов, вызвавшая противодействие как цинского, так и японского правительства. В первом десятилетии XX в. Япония из места учебы превратилась в площадку политической борьбы против цинской монархии и развития диссидентских настроений. Крайняя политика студенчества привела к тому, что сразу после Синхайской революции студенты стали массово возвращаться в Китай, считая, что они больше нужны на родине. К 1912 г. численность китайских студентов в Японии упала до 1,5 тыс. человек.

Вслед за резким спадом студенческой миграции с 1917 г. численность китайцев в Японии вновь стала увеличиваться, в этот раз за счет такой категории, как рабочие. После первой мировой войны японская экономика испытывала временную нехватку рабочих рук. Правительство решило справиться с этой проблемой путем привлечения иностранной рабочей силы – корейских и китайских рабочих. Они рассматривались как удобная и недорогая рабочая сила, чей въезд и срок пребывания, как казалось, можно легко контролировать.

Хотя японское правительство регулировало приток китайских трудовых мигрантов законодательными актами, их численность корректировалась скорее реальной экономической ситуацией в стране и потребностью в рабочей силе. Введение разовых ограничений на легальный въезд приводило лишь к увеличению числа нелегальных мигрантов. За период «восстановительного бума» в Японии, длившегося с 1923 г. до начала «великой депрессии» 1929–1932 гг. численность китайской

³ Harrell Paula. *Sowing the Seeds of Change: Chinese Students, Japanese Teachers, 1895–1905*. Stanford University Press, 1992, p. 2.

⁴ Fairbank John King. *Twitche Denis Crispin, Liu Kwang-Ching*. The Cambridge History of China, vol. 11, Late Ch'ing, 1800–1911, part 2, p. 351.

⁵ Harrell Paula. *Sowing the Seeds of Change: Chinese Students, Japanese Teachers, 1895–1905*, p. 72.

общины непрерывно росла и достигла к концу 20-х годов, по разным оценкам, 30–40 тыс. человек. Китайцы преимущественно трудились в качестве докеров в портах, а также на шахтах. Значительную массу составляли поденные рабочие.

На фоне общего недружелюбного отношения японцев к выходцам из Китая нарастали конфликты между китайскими «гастарбайтерами» и японскими рабочими, которые нередко переходили в открытые столкновения. Одно из таких столкновений, в котором участвовало несколько сотен человек, произошло 13 февраля 1923 г. в Иокогаме между китайскими и японскими докерами, занятыми на разгрузке угля с судов⁶. Подобные инциденты стали частыми, однако, наибольшего накала националистические настроения достигли в сентябре 1923 г., когда произошло печально знаменитое Токийское землетрясение, уничтожившее большую часть Токио и Иокогамы. Широко известно, что после землетрясения было убито несколько тысяч корейцев, которых обвинили в организации поджогов и мародерстве. Меньшее внимание привлёк факт, что, наряду с корейцами, было убито около 700 китайцев. Однако решающим фактором снижения миграции стали не межэтнические противоречия.

Реальный удар по общине *хуацяо* нанесло вторжение японских войск в Манчжурию в 1931 г. Японская агрессия вызвала к жизни новый взлёт националистических настроений среди китайцев, проживавших в Японии. Только из Кобэ, где китайское население насчитывало около 3 тыс. человек, в Китай вернулись более половины. Общая же численность китайцев в Японии упала до 17 тыс. человек⁷. Вдобавок, японская агрессия на северо-востоке привела к росту национального самосознания и сплочению оставшихся в Японии членов китайской общины. Японские власти, стремились поставить под контроль деятельность общинных институтов, но добились противоположного результата: разрозненные региональные ассоциации и связанные с ними организации китайцев (школы и т. п.), ранее фактически не контактировавшие между собой, стали вливаться в более крупные объединения. С одной стороны, это законсервировало ставшую немногочисленной китайскую общину, которую теперь принято называть «старой», а с другой – все-таки позволило ей просуществовать в течение следующих 40 лет, т. е. до начала новой волны китайской миграции в Японию.

На протяжении второго периода миграции, пришедшегося на 1940–1970-е годы, китайские общины в западных странах имели возможность, пусть и минимальную, поддерживать связь с родственниками на материке (в основном через Гонконг). Контакты же малочисленной

китайской общины в Японии с родиной отсутствовали. Другими словами, для нее второй этап как бы прошел мимо. Это привело к некоторому ее размыванию, частичной «японизации» и утрате связей с родными «регионами-экспортерами». Когда после 1978 г. начался очередной этап миграции китайцев за рубеж, новым китайским мигрантам в Японии пришлось формировать базу и налаживать миграционный механизм с «чистого листа». Рассмотрим вкратце, в какую среду они попадают на этом новом витке «командирования» на японский архипелаг.

Иноэтнические и инокультурные группы в современной Японии

Ситуацию, в которой оказываются иноэтнические и инокультурные группы в Японии, нельзя всерьез рассматривать без учета этнопсихологии ее коренного населения, ее миграционной (если не сказать «антимиграционной») ментальности. Эта ментальность вырастает из организационной структуры японского общества, где дистанции между существующими в нем группами обусловлены давлением ряда моральных категорий. Только уяснив характер этих отношений, можно понять место и самоощущение китайских поселенцев и других «чужаков» (корейской общины и «никкэйдзин», т. е. этнических японцев – репатриантов из Южной Америки) в современной Японии.

Большинство исследователей, в том числе такие мировые авторитеты, как Наканэ Тиэ и Дои Такэо, представляет структуру японского общества в виде схемы внутренних и внешних кругов (модель «сото-ути»), в которые входят те или иные индивидуумы. Такая схема характеризует структуру отношений как в пределах одной семьи, так и в масштабах всего общества. По мнению японцев, иностранцы не знакомы с этическими нормами, на которых базируется местное общество, и соответственно не вписываются ни в один из внутренних кругов, фактически всегда оставаясь для японцев чужими. Японцы попросту отторгают представителей «чужих» этносов, поддерживая с ними лишь ограниченные (необходимые) контакты. А учитывая чувство превосходства, с которым современные японцы относятся к выходцам из остальной Азии, можно понять, что степень инкорпорированности китайцев в данном обществе минимальна, и если будет углубляться, то весьма медленно.

Японское общество глубоко структурировано. Но существует нечто, что делает японцев единой нацией. Это нечто – национальное сознание и японский национализм. В основе японского национализма лежит идея уникальности японского народа. Одно из важнейших положений тезиса о национальной уникальности – вера в гомогенность японской нации. Степень близости «чужака» к японскому обществу зависит от степени «кровной» и «культурной» близости. В международной научной среде пока отсутствует единое мнение по поводу основных компонентов идеи о гомогенности японцев. Ведь даже среди самих японцев существуют группы, дискриминируемые по разным основаниям.

⁶ Ники Фумико. Канто дайсинсай тьокудзин дайякусацу (Резня китайцев во время Токийского землетрясения). Токио. 1991, с. 42.

⁷ Friman Richard H. Evading the Devine Wind Through the Side Door: The Transformation of Chinese Migration to Japan. – Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia, p. 11.

Например, так называемые «парии», потомки бывших неприкасаемых *эта*, ныне именуемые «буракумин», (т. е. люди из особых поселений) подвергаются дискриминации, а точнее, даже отторгаются большинством именно вследствие своего происхождения и низкого социального статуса. Даже *хибакуся*, т. е. люди, пережившие атомные бомбардировки, и их потомки считаются генетически нечистыми. Дети самих японцев, долгое время проработавших за границей, подвергаются остракизму и издевательствам со стороны товарищей по школе. При этом и те, и другие, и третьи являются чистой воды японцами как в культурном, так и в этническом плане.

Особое место в структуре японского общества занимают *никкэйдзин* – потомки бывших эмигрантов из Японии, покинувших страну во второй половине XIX – первой половине XX в. На волне экономического бума на рубеже 1980–1990-х годов японский рынок труда испытывал нехватку рабочих рук. Японской администрации казалось, что в лице *никкэйдзин*, «импортированных» преимущественно из Бразилии и Перу, она нашли отличную замену нелегальным и полулегальным рабочим с Ближнего Востока и Восточной Азии. Предполагалось, что благодаря их этнической близости они будут легко приняты японским обществом, потому что они не выглядят как иностранцы. Для них были созданы особые условия, и даже внесены изменения в иммиграционное законодательство. Однако *никкэйдзин* не удалось вновь стать частью японской нации. «Кровная» близость оказалась не единственным определяющим фактором. При межкультурном взаимодействии очень резко обозначились культурные и поведенческие различия.

До самого последнего времени самой крупной общиной Японии были корейцы. Они и по сей день являются наиболее влиятельной этнической группой, оставаясь при этом одновременно и самой дискриминируемой частью общества. Причиной такой ситуации, помимо воздействия исторических стереотипов, является этническое или «кровное» различие. Оберегая свою кровь от «загрязнения», японцы отторгают тех, кто, по их мнению, является носителем «нечистой» крови, тем более неазиатской. А ведь, помимо иной этнической принадлежности, представители корейской общины, особенно последних поколений, в культурном смысле являются чистыми японцами. Многие из них даже не говорят по-корейски. В этом случае причина дискриминации лежит в области «этнических» различий и предрассудков (парадоксально, что при этом японские женщины, в особенности среднего возраста и старше, поголовно влюблены в южнокорейских актеров из телевизионных сериалов). Принятию японизированных корейцев в ряды «своих» не помогло даже недавнее признание императора Акихито в том, что в жилах династии течет корейская кровь.

Практика функционирования корейской общины имеет и еще один аспект, на который обращает внимание как японский истеблишмент,

так, вероятно, и рядовые японцы. Корейцы пользуются поддержкой со стороны правительства Южной Кореи и весьма успешно отстаивают свои права. В частности, они добились статуса так называемых «особых постоянных резидентов», т. е. получили право на въезд и выезд из Японии без виз и без снятия отпечатков пальцев. По широко распространенному мнению, в руках корейцев (связанных в основном с Сеулом, но также и с Пхеньяном) находится контроль над гигантской сетью игровых автоматов «*патинко*» (которые приносят доход, больший, чем вся сталелитейная промышленность Японии)⁸. Мысль о возможности превращения китайской диаспоры в столь же, если не еще более, сильный механизм, учитывая все возрастающую международную роль Китая, не может не вызывать опасения у японцев. Эта возможность может стать реальностью, поскольку в КНР существует закон о защите китайцев за границей, а развитию связей с *хуацяо* Пекин придает большое значение. Пока что этот закон практически не применялся (в частности, во время антикитайских погромов в Индонезии в конце XX в.), но в зависимости от ситуации он может быть задействован.

Структура взаимоотношений внутри японского общества, особенности национального менталитета, «антимиграционная» ментальность, глубоко укоренившийся национализм и одержимость идеей чистоты крови обуславливают отторжение этим обществом иностранных мигрантов. Если даже этнически близкие *никкэйдзин* и культурно близкие корейцы оказываются за пределами внутренних кругов системы общественных взаимоотношений, то китайским мигрантам, по крайней мере на данном этапе, уготовано место на самой периферии японского общества, поскольку с японцами их объединяет разве только внешний вид и иероглифика (да и то глубоко разошедшаяся после второй мировой войны).

Формирование «новой» китайской общины

Для жителей регионов-экспортеров миграция является нормальным способом экономического воспроизводства. За годы «закрытия» страны при Мао Цзэдуне практика командирования за рубеж кого-то из членов семьи, естественно, сократилась до минимума (единственным, хотя и опасным, окном оставалось бегство через Гонконг или Макао), но менталитет не успел измениться. С началом политики «реформ и открытости» миграция китайцев в страны «белого» запада вновь начала набирать обороты: активизировались механизмы транспортировки, возобновились связи регионов-экспортеров с зарубежными диаспорами, вновь включились внутрисемейные связи, нашлись родственники,

⁸ *Kajita Takamichi*. The Challenge of Incorporating Foreign Workers in Japan. Temporary Workers or Future Citizens, p. 131.

земляки или их потомки в Лос-Анджелесе и Ванкувере, Сиднее и Лондоне, Гонолулу и Париже.

Миграция же в Японию начиналась в совершенно иных условиях. На рубеже 1970–1980-х годов она была едва заметной, развивалась медленно, и ни о каком «буме» в этот промежуток времени говорить не приходится. В Японии отсутствовала принимающая база; сравнительно немногочисленные этнические китайцы в японских *чайнатаунах* к тому времени потеряли связь с материком, сохраняя их разве что с Тайванем. Сыграло роль и то обстоятельство, что Япония в глазах китайского народа по историческим обстоятельствам не принадлежит к числу «любимых» стран.

Главным фактором, обусловившим начало и рост людских потоков в Японию, оказалась не экономика, а политика, конкретнее – текущая политика властей как КНР, так и Японии по отправке и привлечению китайских мигрантов, соответственно. Решающую роль сыграли внесистемные факторы, которые не вписываются в рамки существующих миграционных теорий. Ведь и неоклассическая экономическая теория, и теория человеческого капитала, и новая экономическая теория миграции, так или иначе, во главу угла ставят экономическую причину в качестве стимулирующего фактора миграции, что справедливо лишь отчасти. С помощью этих теорий невозможно объяснить, почему в одном и том же уезде мужское население одной деревни почти полностью перебралось за границу, а в соседней деревне к миграции не прибегали никогда. На этот факт, в частности, обратила внимание китайская исследовательница Ли Минхуань⁹. Из всех миграционных теорий, пожалуй, только так называемая теория «push-pull» факторов (побуждающих и стимулирующих) наиболее близко подходит для обоснования китайской миграции в Японию. Смысл теории состоит в том, что в принимающем обществе порой возникают факторы, мотивирующие, побуждающие человека к миграции (pull), в то время как в отправляющем обществе формируются условия, подталкивающие его к этому действию (push). При резонансе push-фактора и pull-фактора происходят всплески перемещения людских ресурсов из страны-донора в принимающую страну. При этом политические инициативы правительств, а также миграционная традиция предстают одними из факторов миграции.

Итак, современная миграция китайцев в Страну Восходящего Солнца формировалась практически с нуля. Ее начало было обусловлено задачами, которые ставило перед собой независимо друг от друга руководство обоих государств. Китаю для осуществления реформ и модернизации страны были необходимы новые квалифицированные кадры, но система образования была почти разрушена в годы «культурной» рево-

люции. Единственный выход состоял в отправке студентов за границу, т. е. в полном разрыве с предыдущей практикой, когда образование и наука «варились в собственном соку». В то же время японское правительство во главе с Я. Накасонэ, озабоченное идеей «интернационализации» страны, решило резко увеличить число студентов из других стран. Не последнюю роль в этом сыграли соображения международного престижа. Таким образом, совпали «pull» и «push» факторы; сложились предпосылки и возникли условия для поступательного роста миграционных потоков из КНР, пока только по линии учащихся и студентов. Ситуация конца XIX в. повторилась на новом витке истории.

Как и в позднечинском Китае, первыми мигрантами в Японию после 1978 г. стали в основном студенты, отправленные на учебу за рубеж по правительственным программам, а позже и за свой счет. Именно они заложили фундамент, на котором зиждется современная китайская община в Японии.

Стремясь привлечь больше иностранных студентов, японское правительство пошло по пути упрощения визовых требований и расширения категорий студентов. Помимо студентов вузов (*рюгакусэй*), развивались и возможности для «довузовских» студентов (*сюгакусэй*), т. е. учащихся кратковременных курсов, в первую очередь языковых школ. Из-за несовершенства японского законодательства, языковые школы (многие из которых оказались фиктивными) стали играть роль механизма для привлечения и трудоустройства китайской неквалифицированной рабочей силы; размеры новой китайской общины стали быстро расти. В 1983 г. в Японию прибыли 160 студентов по линии «довузовского» образования, а в 1988 г. их было уже 28 256 человек. Бывшие студенты, просрочившие визу и незаконно оставшиеся в стране, помогали другим перебраться в Японию – очень часто для обеспечения собственного бизнеса дешевой рабочей силой. Увеличению числа *сюгакусэй* объективно способствовали растущие потребности японской экономики в трудовых ресурсах, которые собственное население не восполняло. Приток трудовых мигрантов извне соответствовал интересам страны, но противоречил нормам японского законодательства, да и японскому «антииммиграционному» менталитету.

Осознав, что языковые школы – своеобразная лазейка для обхода закона, японское правительство начало вводить ограничения и дополнительные требования к оформлению визы. С ужесточением процедуры миграция по линии довузовского образования стала постепенно утрачивать популярность среди китайцев, хотя еще в 2002 г. их насчитывалось 35 450 человек, притом, что общее число всех иностранных *сюгакусэй* на этот год составило 47 198 человек¹⁰. Таким образом, сложилась

⁹ Li Minghuan. To Get Rich Quickly in Europe! Reflections of Migration Motivation in Wenzhou. – The Chinese Overseas, p. 60.

¹⁰ Hatsuse Ryuhei. Governance, Asian Migrants and Civil Society. – Contested Governance in Japan, ed. by Hook Glenn D. Routledge, 2005, p. 161.

конфликтная ситуация: японская экономика требовала расширения источников иностранной рабочей силы, а иммиграционное законодательство запрещало приезжим заниматься неквалифицированным трудом. Японское правительство было вынуждено искать легальные лазейки, чтобы, с одной стороны, обеспечить рынок рабочей силой, контролируя при этом процесс, а с другой – не раздражать общественность.

Такая лазейка была найдена в форме «Программы обучения техническим специальностям иностранных граждан», проще говоря, в форме стажировки. С начала 1980-х годов программа для стажеров (*кэнсюсэй*, в англоязычной литературе – *trainee*) и в настоящее время является единственным законным способом трудоустройства для неквалифицированных рабочих, преимущественно из Китая. Программа импорта стажеров осуществляется при участии большого числа японских министерств, ведомств и межведомственных организаций. С китайской стороны в программе принимают участие государственные органы вплоть до Госсовета КНР. Китайские организации, сотрудничающие с японскими и обеспечивающие отправку стажеров, имеют отделения как в крупных городах, так и в провинциях. Благодаря этому в миграционную схему включаются новые провинции, что приводит к увеличению объемов миграции.

Реальная цель создания системы стажеров предельно ясна – поставить поток неквалифицированной рабочей силы под контроль (но все же сохранить его) и не позволить рабочим слишком долго оставаться в Японии (срок стажировки изначально не превышал двух лет), чтобы избежать проблем, которые иностранные рабочие создают на Западе. Впрочем, учитывая ухудшение демографической ситуации в стране, японское правительство вынуждено идти на расширение сферы применения китайских стажеров и увеличения срока их пребывания (в 2003 г. максимальный срок нахождения *кэнсюсэй* в Японии был увеличен до пяти лет). С начала 1990-х годов число стажеров стремительно росло: 7624 в 1990 г. и 10 688 в 1991 г. по сравнению со 3496 в 1989 г. В 1997–1999 гг. из КНР в Японию ежегодно въезжало в среднем по 20 тыс. человек по линии программы технической стажировки. Всего же с 1992 по 2005 г. только по линии ведущей организации по содействию импорту стажеров (Japan International Training Cooperation Organization) в Японии проработало 287 тыс. китайцев.

По сравнению с предыдущим потоком *сюгакусэй*, программа стажеров превратилась в работающий и, главное, контролируемый механизм снабжения японской экономики трудовыми ресурсами, который позволяет японским компаниям практически не нарушать закон.

Но заметную долю в общем объеме китайской миграции в Японию занимают и нелегальные иммигранты. В этом плане, прежде всего, интересны мотивы и механизм их проникновения в Японию. Нелегальные мигранты используют два доступных пути проникновения в Японию –

морской и воздушный. Мигранты, прибывающие воздушным путем, имеют при себе краденые, фальшивые или «взятые напрокат» тайваньские, сингапурские или тайские паспорта, с подлинными японскими визами. В настоящее время в распоряжении преступных группировок находятся современные технические средства, позволяющие подделывать различные документы высочайшего качества¹¹. В организации нелегальной миграции принимают участие коррумпированные сотрудники китайских государственных агентств по экспорту рабочей силы. Сотрудники этих контор снабжают потенциальных мигрантов документами, необходимыми для выезда за рубеж за вознаграждение, колеблющееся по различным данным от 10 тыс. до 40 тыс. долл. В дополнение к экспортным агентствам в незаконной деятельности, связанной с контрабандой людей, принимают участие чиновники местных органов власти, включая Службу общественной безопасности, Пограничной службы и даже Народно-освободительной армии Китая¹². Размах коррупции трудно даже представить.

В других случаях мигранты получают разрешение на транзит от иммиграционной службы в японском аэропорту, предъявляя документы, свидетельствующие о том, что пассажир следует в третью страну. Покинув аэропорт, человек, естественно, дальнейший путь не продолжает. Так, газета «Асахи» приводит пример: группа китайских граждан, прибывших в Осака в 1999 г. для участия в бизнес-конференции, попросту исчезла. По словам представителя японской Иммиграционной службы, подобные случаи происходят довольно часто¹³.

Наряду с воздушным путем с начала 1990-х годов все большую популярность среди нелегальных мигрантов стал приобретать морской путь. Практически все морские префектуры подверглись «атакам» китайских мигрантов. В марте 1994 г. в префектуре Вакаяма недалеко от Осака полиция задержала 89 китайцев, пытавшихся проникнуть на берег с борта индонезийского грузового судна. В мае того же года в префектурах Фукуока и Симанэ было задержано два судна со 139 и с 47 пассажирами соответственно. Суды с китайскими нелегалами перехватывались даже у берегов о-ва Хоккайдо¹⁴. В мае 1997 г. полиция задержала 59 китайцев на необитаемом о-ве Кадзура в префектуре Нагасаки¹⁵. Вообще, на 1997 г. пришелся пик нелегальных проникновений. Правоохранительными органами Японии было задержано 1209 человек. Вероятнее всего, подобный всплеск был обусловлен внезапно возникшей потребностью

¹¹ Hood Marlowe. Sourcing the Problem: Why Fuzhou? – Human Smuggling: Chinese Migrant Trafficking and the Challenge to America's Immigration, p. 120.

¹² Chin, Ko-lin. Smuggled Chinese: Clandestine Immigration to the United States, p. 45.

¹³ Асахи симбун. 21.02. 1999.

¹⁴ Friedland Jonathan. Traffic Problem. – Far Eastern Economic Review. 04.08.1994.

¹⁵ National Police Agency Report. 1997, May.

в большом числе рабочих, что было связано с проведением восстановительных работ после землетрясения в г. Кобэ и подготовкой к зимним Олимпийским играм в Нагано в 1997–1998 гг. После 1997 г. количество подобных инцидентов начало уменьшаться, упав до 44 попыток и 701 задержанных в 1999 г.¹⁶ Истинные размеры нелегальной миграции оценить почти невозможно – данные, предоставляемые различными источниками, сильно отличаются друг от друга. При всей противоречивости данных, около 80% всех задерживаемых при попытке нелегального пересечения японской границы составляют китайцы¹⁷.

Нелегальная миграция во многом порождается неспособностью японских официальных и полуофициальных механизмов абсорбировать всю массу китайцев, желающих найти работу в Японии. Для остающихся «за бортом», но непреклонных в своем стремлении перебраться в Японию граждан КНР, незаконный переезд представляется единственным возможным выбором, являясь при этом дорогостоящим и по-настоящему опасным предприятием. С самого начала им приходится иметь дело с преступными группировками, которые по-китайски именуются «*шэтоу*» (змеиные головы). Как на Западе, так и в отечественной научной литературе отсутствует общепринятое определение этого явления. Так, по версии журнала «Time», *шэтоу* – «китайские гангстеры, заправляющие синдикатами по контрабанде людей, имеющие связи с китайскими общинами по всему миру. Изворотливые, агрессивные люди, носящие золотые часы и перстни размером с гайку, *шэтоу* обладают в Фуцзяни репутацией безжалостных [бандитов]»¹⁸. С. Б. Маркарян пишет, что «все более активно начинают действовать такие преступные международные синдикаты, как, например, занимающаяся контрабандой “Голова змеи”»¹⁹. В японской прессе *шэтоу* часто отождествляются с самими нелегальными мигрантами, несмотря на тот факт, что первые представляют собой всего лишь организаторов транспортировки. В действительности, сам термин «*шэтоу*» относится, скорее, к сленгу и происходит от образа змеи, которая переползает из одного места в другое скрытыми путями. В Китае любой человек, имеющий отношение к незаконной переправке людей за границу, называется «*шэтоу*». Так что в отношении сообществ, занимающихся контрабандой людей, термин «*шэтоу*» используется как собирательный. С середины

1990-х годов наблюдается тенденция к организации сотрудничества между группировками *шэтоу* и представителями японской мафии – якудза. Ширящееся сотрудничество между китайскими *шэтоу* и якудза уже давно вызывает обеспокоенность японских правоохранительных органов. «Теперь можно с уверенностью говорить о том, что якудза и организованные преступные группировки с Тайваня, Гонконга и Китая работают рука об руку», отмечал Оэ Тадао, пресс-секретарь Токийской иммиграционной службы²⁰. Китайские чиновники также признают этот факт: «Нелегальная деятельность осуществляется при активном содействии членов якудза. По выражению одного китайского чиновника, без помощи хорошо информированных и организованных группировок якудза китайские агенты (по найму. – Н. К.) не имели бы такой возможности провозить нелегальных мигрантов в Японию»²¹.

В сущности, нелегальные мигранты выполняют полезную для японской экономики функцию: они заняты на неквалифицированных работах, которыми не хотят заниматься сами японцы. Однако сам факт их «нелегальности» и предполагаемая склонность к правонарушениям глубоко антипатичны законопослушному японскому обществу. Кроме того, объемы нелегальной миграции и степень ее общественной опасности сильно преувеличены как в японских средствах массовой информации, так и на официальном уровне. Утрированная подача проблемы оказывает негативное воздействие на отношение японцев к новым китайским мигрантам в целом, еще сильнее подпитывает застарелые чувства недоверия, существующие в японском обществе по отношению к китайцам. Задержанных «нелегалов» японская иммиграционная служба депортирует в Китай. Сообщается о случаях, когда отправленные на родину китайцы снова отправлялись в Японию, поскольку были должны выплатить долг *шэтоу* еще за первую поездку.

Различные категории мигрантов внесли и продолжают вносить свой особый вклад в развитие китайской общины в современной Японии. В основе китайской миграции лежали, как уже отмечалось, внесистемные факторы – политические и экономические устремления правительств обеих стран. В таких условиях миграция продемонстрировала гибкость и адаптацию к быстро меняющимся условиям. Именно за счет способности быстро реагировать на изменения японского законодательства, экономической ситуации в стране и развития новых направлений японо-китайского сотрудничества китайцы, используя различные миграционные схемы, сумели за короткий по историческим меркам срок сформировать в Японии прочную и динамично развивающуюся общину.

¹⁶ Friman Richard H. Evading the Divine Wind through the Side Door: the Transformation of Chinese Migration to Japan. – Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia, p. 25.

¹⁷ Официальный сайт Береговой охраны Японии: <http://www.kaiho.mlit.go.jp/info/kouhoushi/kouhoushi3.htm>. Доступ, 10.06.2009.

¹⁸ Coming to America: The Long, Harsh Odyssey of a Chinese Illegal Smuggled from Fujian Province to New Jersey. – Time. 18.01, 2000, p. 42.

¹⁹ Маркарян С. Б. Новые подходы к проблеме иммиграции. – Япония 2002–2003. Ежегодник. М., 2003, с. 136.

²⁰ Friedland Jonathan. Traffic Problem. – Far Eastern Economic Review. 04.08.1994.

²¹ Kowalczyk Magda. Snakehead-yakuza Links Help Illegal Chinese Immigrants. – Inter Press Service. New York. 02.04.1997.

Современные китайские мигранты: проблемы адаптации в японском обществе

Характерной чертой современного этапа жизнедеятельности этнических китайцев в Японии являются постепенное затухание прежней традиционной общины и общинообразующих институтов. «Новая» община *хуацяо* создает собственные организации и механизмы, более приспособленные под свои интересы. Более того, мигранты новой волны стремятся дистанцироваться от старой общины, в противовес ей называя себя «*синь хуацяо*» (новые *хуацяо*). Новая община развивается очень быстрыми темпами, создавая элементы обеспечения жизнедеятельности: банки, местные газеты и другие СМИ, магазины и т. п. Облик некоторых районов крупных японских городов уже начал меняться, приобретая черты классических чайнатаунов, характерных для стран Европы и Америки. А китайскими ресторанами и закусочными, которыми пользуются ежедневно сотни тысяч коренных жителей, покрыт весь Японский архипелаг.

За последнюю четверть прошлого столетия, несмотря на серьезные этносоциальные противоречия, китайская община в Японии, начав с нуля, значительно окрепла и стала заметной частью жизни крупных японских городов. Общая численность китайцев, проживающих в Японии, превысила 700 тыс. человек, сделав их самой крупной иноэтнической группой в стране. Китайцы сумели глубже проникнуть в жизнь местного общества. И главную роль в этом сыграли бывшие студенты японских университетов. Особо следует отметить быстроту, с которой приезжие китайцы овладевают японским языком. В то же время, в учебных программах японских университетов после обязательного английского языка на втором месте по рейтингу уже несколько лет неспроста стоит именно китайский язык.

Можно утверждать, что на фоне постоянного роста двусторонних торгово-экономических связей произошло некоторое смыкание экономических интересов китайских мигрантов и японского бизнеса. Все большее число китайцев занимают позиции консультантов и представителей в японских компаниях, работающих с их страной. Часть их, набрав опыт и связи, открывает собственный бизнес. Новые мигранты, постепенно осваивая все более высокую социально-экономическую нишу в японском обществе, неизбежно приходят к соприкосновению с представителями общины «старых *хуацяо*», многие из которых издавна заняты в своем успешном бизнесе. Возможно, уже сейчас за счет сближения и тех и других – при доминировании «новых мигрантов» – начинает формироваться новый мощный сегмент всемирной сети китайских мигрантов – экономически активная китайская община в Японии.

Обратимся к повседневной жизни китайских мигрантов в японских городах и к специфике их контактов с местными жителями. Особое

внимание здесь привлекают такие важные элементы адаптации, как поиск жилья, виды работ, на которых заняты мигранты, психологические проблемы, с которыми сталкиваются китайцы в Японии.

Китайцы, как правило, компактно расселяются в префектурах с высокой деловой активностью, причем в сфере притяжения центров этих префектур. Большая часть китайцев проживает в таких городах, как Токио, Иокогама, Нагоя, Нагасаки, Киото, Осака, Кобэ и Фукуока. Данные о расширении общины позволяют предположить, что в среднесрочной перспективе новая община изменит, хотя бы частично, социальный и культурный облик крупных японских городов. Именно этого опасается и население Японии, и ее политическая элита. На обыденном уровне китайская миграция воспринимается как вторжение в нормальный и привычный уклад жизни японцев. Ведь временные мигранты не стремятся приспособливать свои привычки и мировоззрение к укладу жизни принимающего общества. Более того, они непосредственно переносят свои повседневные нормы поведения в новую среду. В этой связи не вызывает удивление, что, например, политика многих риэлтерских фирм не предполагает оказание услуг выходцам из континентальной Азии.

Совершенно очевидно, что жизненные условия и стандарты в Японии находятся на гораздо более высоком уровне, чем в Китае. Таким образом, японцы, привыкшие к порядку и чистоте, находят атмосферу, окружающую китайцев (беспорядок, грязь и пр.), «неприятной». Повседневный образ жизни немалой части китайцев является поводом для конфликта между ними и местным населением, поскольку японцы ощущают нарушенным свой привычный образ жизни. На китайцев, как и на прочих выходцев из Восточной Азии, в Японии привыкли смотреть свысока и не относиться к ним как к равным. Было бы упрощением считать, что подобное отношение является результатом работы средств массовой информации или иного рода пропаганды. Этот предрассудок существовал с XIX столетия и может усиливаться за счет каждодневных контактов с некоторыми китайскими мигрантами. Даже те, кто по роду своей работы имеет дело с китайцами и другими азиатами, порой считают их «людьми третьего сорта» (*дайсанкокудзин*, дословно: люди из третьих стран). Интересно, что сам этот термин появился в Японии давно, в конце XIX в. – еще до японской оккупации Китая и Кореи.

Помимо проблем с наймом жилья, китайцы и прочие мигранты сталкиваются с определенной дискриминацией по месту работы или учебы. Китайские студенты жалуются на «пренебрежение, скрытые и открытые формы дискриминации, отсутствие уважения со стороны японских сверстников». Виды работ, на которых заняты мигранты, оказываются важным фактором, определяющим их статус в социальной иерархии японцев. Китайцы наряду с другими азиатскими мигрантами трудятся, как правило, на работах, которые японцы называют

«три К» – *китанай* (грязный), *кицуй* (трудный), *кикэн* (опасный). Другими словами, это те виды работ, которыми не хотят заниматься сами японцы. Большое число мигрантов занято в таких низкооплачиваемых областях сферы услуг, как мытье посуды и доставка, работают официантами, уборщиками и т. д.

Впрочем, не только японское общество отторгает китайских мигрантов, но и сами китайцы демонстрируют отсутствие интереса к сближению с японцами. Отношение местного населения – только один из факторов, способствующих такому отчуждению. Действительно, создание замкнутой общины – это своего рода защитный механизм, призванный оберегать ее членов от враждебной среды. Подобные явления характерны для иностранных общин во многих странах. Еще одним важным фактором, упомянутым ранее, оказывается то, что у временных мигрантов отсутствуют какие-либо внешние и внутренние побуждающие мотивы для углубления контактов с японцами²². Это особенно касается нелегальных мигрантов, которым приходится скрывать свою личность.

Особый и частично нездоровый интерес вызывает вопрос о китайской преступности. Исходя из количества публикаций в японских СМИ на эту тему, нарушение местных законов является одним из ключевых оценочных моментов, касающихся жизнедеятельности мигрантов в Японии. Столь пристальное внимание прессы к этой проблеме часто дает козыри в руки националистически настроенным политикам и общественным деятелям, требующим ужесточить контроль или вообще изгнать китайцев из Японии. Более или менее детальный анализ позволяет сделать вывод, что уровень преступности (как и проблема нелегального проникновения в страну) во многом раздут прессой и заявлениями полицейских чиновников.

По словам главы Отдела безопасности Национального управления полиции Сугита Кадзухиро, «преступления, совершаемые китайскими преступными синдикатами, представляют серьезную опасность для национальной безопасности страны»²³. Представители полиции не раз заявляли, что из общего числа преступлений, совершаемых иностранцами, 40% приходится на долю китайцев (между прочим, это даже ниже пропорции выходцев из Китая в общем числе иностранцев в стране). Помимо преступлений, сопряженных с применением насилия, китайцев также часто обвиняют в похищениях людей, торговле наркотиками, кражах и изготовлении поддельных карточек для игры в «*патинко*».

²² Подробнее см.: Интервью известного российского японоведа А. Н. Мещерякова. – Куланов А. Обратная сторона Японии. М., 2008, с. 287.

²³ *Friman Richard H. Immigrants, Smuggling and Threats to Social Order in Japan.* – *Global Human Smuggling: Comparative Perspectives*, ed. by David Kyle and Rey Koslowski, Baltimore, 2001, p. 300.

Очень часто на входе в павильон игровых автоматов «*патинко*» можно видеть надпись, гласящую – «иностранцам вход воспрещен». Интересно, однако, что надписи выполнены на китайском языке; американец или европеец их не поймет.

Криминальные проявления почти всегда и в любой стране сопутствуют временной миграции (особенно нелегальной). Как показывает практика, любому обществу свойственно обвинять в существующих проблемах иностранцев, просто потому что они всегда на виду и не принадлежат к домашнему социуму. Тема иностранной преступности вообще является очень привлекательной для газетных публикаций, при этом пресса обходит стороной позитивную информацию. Японские СМИ, пожалуй, являются мировым лидером в плане публикаций о китайской преступности и раздувании этой проблемы.

Подобное преувеличение истинного состояния дел имеет несколько причин. Во-первых, в официальных заявлениях японских чиновников, публикуемых и тиражируемых газетами, зачастую стираются различия между различными категориями иностранцев (легальные, нелегальные) и их общим количеством в стране, включая постоянных жителей. В действительности же, иностранцами совершается менее 1% всех преступлений в Японии²⁴.

Во-вторых, как отмечает Р. Фрайман, полиция, арестовывая одного и того же человека за различные преступления, суммирует статистику, и при наложении этих данных на соотношение местного и приезжего населения возникает искажение реальных цифр²⁵. В-третьих, он также отмечает, что криминальная статистика не делает различий между географией происхождения китайцев, включая в одни отчеты выходцев из КНР, Сянгана и Тайваня. К тому же, в данных, представляемых для широкой публики, отсутствует классификация преступлений, совершаемых китайцами, по степени их тяжести²⁶. Помимо чисто журналистских факторов, ведущих к преувеличению обсуждаемой проблемы, существует еще ряд причин. Одна из них – это скрытая конкуренция за экономические ресурсы и влияние между определенными министерствами. Жалобы в прессе представителей японских правоохранительных ведомств на трудности в борьбе с нелегальной миграцией и китайской преступностью, включая страшные истории про триады и их сотрудничество с якудза, направлены на увеличение государственного финансирования.

Несмотря на тот факт, что большинство китайских мигрантов в Японии являются добросовестными тружениками, преступления, совершаемые небольшим процентом их соотечественников, дают повод

²⁴ *Crime by Illegal Aliens.* – *Japan Echo*, vol. 25, № 1, 1998, February.

²⁵ *Friman Richard H. Immigrants, Smuggling, and Threats to Social Order in Japan*, p. 300.

²⁶ *Ibid.*

местной общественности отождествлять преступников со всеми мигрантами, что еще больше разжигает антикитайские настроения уже на национальном уровне. В глазах местного населения, во многом благодаря СМИ, нелегальная китайская миграция оказалась прочно связанной с *шэтоу* и континентальной мафией, или триадами.

Между тем, происходят значительные перемены в самом характере китайской миграции. На наших глазах развивается совершенно новая тенденция, которая заставляет по иному взглянуть на весь характер китайской миграции, а главное на ее будущее. Все большее число ее субъектов стремится к получению статуса «постоянного резидента» (*эйдзюся*). Этот факт говорит о том, что все больше китайцев легально проводят в Японии более 10 лет (срок, определяемый законом для предоставления статуса «постоянного резидента»). По данным на 2005 г., 20% всего китайского населения Японии, которое тогда составляло чуть более 500 тыс. человек были «постоянными жителями» (этот статус немногим отличается от статуса гражданина). А в период с 1990 по 2005 г. 58 879 человек стали гражданами Японии, при этом 46 тыс. из них натурализовались уже после 1996 г. Ежегодно, после 2000 г., более 4 тыс. китайцев становились гражданами, и более 11 тыс. получали статус постоянного жителя²⁷. Получение японского гражданства – исключительно сложная процедура, каждый раз она осуществляется в строго индивидуальном порядке. Прирост же категории постоянных жителей обусловлен увеличением численности квалифицированных специалистов, привлекаемых японскими компаниями и университетами на длительный срок, и числа китаянок, выходящих замуж за японцев (дети от таких браков автоматически получают японское гражданство и, скорее всего, будут обладать японским менталитетом).

Подобные тенденции позволяют предполагать, что в будущем изменится сама схема китайской миграции в Японию. Ведь, если до сих пор роль механизма, обеспечивавшего набор новых мигрантов, играли правительственные организации, крупные корпорации, китайские *шэтоу* и брокеры в самой Японии, то в будущем «новые» японцы (бывшие граждане КНР) и «постоянные резиденты» на вполне законных основаниях смогут выступать в качестве формальной приглашающей стороны. Иными словами, может возникнуть очередная цепная миграция неопределенных размеров.

Но только этим дело не ограничивается. Японский истеблишмент, пусть с неохотой, приходит к пониманию того, что без существенного притока рабочей силы из-за рубежа, перспектив поступательного движения у страны, в общем-то, нет. Летом 2008 г. большая группа депутатов парламента (80 человек) от ЛДП вручила премьер-министру заявление

со словами: «Для того чтобы Япония могла выжить, она должна открыть двери всему миру в качестве международного государства и, впуская иммигрантов, двигаться по пути превращения в нацию иммигрантов»²⁸. Говоря более конкретно, они предложили со временем довести число иностранцев до 10% населения. Более того, депутаты внесли предложение о предоставлении японского гражданства всем «постоянным резидентам», причем парламентариев поддержала и влиятельная Торгово-промышленная палата Японии. Конечно, от деклараций до стадии практической политики должно пройти какое-то время. Но вполне вероятно, что за 15–20 лет национальный облик городов Японии может существенно измениться, и нетрудно догадаться, какая нация будет лидировать в этом процессе. Временная по своей изначальной природе миграция может превратиться в китайскую эмиграцию в Японию. Пока на пути этого процесса стоит мощный психологический барьер как со стороны местного населения, так и стороны большинства китайских мигрантов.

* * *

Подведем некоторые итоги. За прошедшие полтора века китайская миграция прошла сложный путь, пережив несколько взлетов и падений. На некоторых этапах своего развития китайская община в Японии претерпевала сокращение численности и влияния. Но каждый раз, когда в Японии и в Китае одновременно совпадали условия, хотя бы как-то способствовавшие продолжению миграции, китайцам удавалось в максимальной степени использовать новые возможности. Благодаря своей гибкости и потрясающей способности к адаптации в чуждой среде, в начале XXI в. общине китайских мигрантов удалось стать уже самой крупной иноэтнической общностью в Японии. Начав играть заметную роль в жизни страны, «новые» китайцы в новых условиях успешно повторяют путь предшественников, проделанный ими на столетие раньше.

Всего за три десятилетия после 1978 г., начавшись почти с нуля, общность китайских мигрантов заняла передовые по сравнению с другими иноэтническими общинами позиции. Особенностью китайской миграции в Японию явилось то, что, как и на рубеже XX–XXI вв., она оказалась необходимой для социально-экономического развития обеих стран. Объективно обе страны извлекают огромную пользу от присутствия в Японии мигрантов из КНР. Япония спасает от упадка целые сектора своей экономики. Для КНР же, особенно для прибрежных провинций, китайская община генерирует значительные денежные потоки, питающие экономику страны.

²⁷ Liu-Farrer Gracia. Creating a Transnational Community: Chinese Newcomers in Japan. – Japan's Minorities: the Illusion of Homo Geneity, p.123.

²⁸ Цит. по: Ковригин Е. Б., Суслов Д. В. Новое во внешнеэкономической политике Японии: двусторонние соглашения о свободной торговле. – Знакомьтесь – Япония. 2009, № 49, с. 16.

Наличие гастарбайтеров в любой стране создает какие-то проблемы, однако при грамотной политике их можно свести к минимуму. Если взять, например, Германию, то в этой стране только выходцы из мусульманских стран (в основном турки) составляют 5,2% населения²⁹. При этом там, несмотря на спорадические осложнения, постоянной конфронтации между немцами и мусульманами не наблюдается. В Японии зарегистрированные китайцы составляют пока около 0,7% жителей архипелага. Таким образом, латентные возможности *хуацяо* в Японии просто колоссальны. Приток свежего человеческого материала, тем более трудолюбивых китайцев, объективно представляется благом для Японии. Важно, что даже при многократном росте числа китайцев исключены, например, религиозные конфликты. Другое дело, что к «нашествию» китайцев японское общество в своей массе не готово психологически (хотя, как мы видели, часть истеблишмента смотрит на перспективу более широко). Многие, по-видимому, даже большинство японцев скорее готово к снижению конкурентоспособности и международного влияния своей страны, чем к наличию «чужаков» рядом со своим домом.

За истекшие 30 лет взаимное восприятие китайцев и японцев не претерпело особых изменений, а негативные чувства, если верить опросам общественного мнения, даже усилились. По-видимому, китайцы пока готовы это терпеть. Вместе с тем, в настоящее время наблюдается появление новых тенденций в отношениях китайцев с местным обществом. Ширятся случаи, когда образованные китайцы занимают более высокую нишу в кадровой системе японских предприятий и вузов и соответственно переходят на более высокий социальный уровень. Подобное встречное движение объективно ведет к более тесному взаимодействию двух социумов, возникновению новых деловых отношений и дальнейшему взаимопроникновению в экономику друг друга. И все же, пока китайцы-мужчины, даже решившись надолго остаться в Японии (что само по себе является сложной процедурой), в основной массе ощущают себя чужими в этой стране и ориентируются в конечном итоге на возвращение в Китай. Правда, такое мироощущение вряд ли будет касаться детей от браков японцев и их китайских жен. Эти юные индивидуумы, скорее всего, будут обладать японским менталитетом.

Интерпретация образа монаха-бодхисатвы в учении школы Тэндай

Е. С. Лепехова

Одной из специфик учения японской буддийской школы Тэндай является образ «монаха-бодхисатвы», сформулированный ее основателем Сайтё (Дэнгё-дайси) (767–822). На его создание во многом повлияла «Сутра о сетях Брахмы» (санскр. «Брахмаджала-сутра», яп. «Боммокё»), переведенная на китайский язык Кумарадживой в 406 г. считается сутрой заповедей (*кайкё*). В ней описывается так называемый «путь бодхисатвы», состоящий из десяти этапов, каждый из которых характеризуется специфическим уровнем подготовки и видом деятельности бодхисатвы. Прохождение этапов увязывается в свою очередь с соблюдением бодхисатвой десяти фундаментальных заповедей (*дзюдзюкай*), определяющих его поведенческие установки: не продавать вино; не рассказывать о преступлениях и ошибках как монахов, так и мирских приверженцев буддийской веры; не хвалить себя и не поносить других; не быть алчным; не гневаться; не клеветать на «Три Сокровища»; не убивать живых существ; не воровать; не лгать; не вести себя непристойно. Эти десять основных заповедей дополняются 48 «легкими»¹.

Собственно, понятие «бодхисатвы» в буддизме Махаяны подразделяется на две категории. Во-первых, – это класс небесных существ, достигших Просветления, но продолжающих рождаться в *сансарё*, помогая другим освобождаться, во-вторых, – это особый класс монахов (и даже мирян), давших обет достигнуть Просветления из сострадания к другим существам, а не для себя².

Соответственно бодхисатва не только должен сам следовать десяти предписаниям, но и наставлять на путь истинный других людей. Только благодаря этому он приобретает свойства бодхисатвы: терпимость, интуицию, отречение, сосредоточение, добродетель, практику, а также врожденную аналитическую и созерцательную умственную силу. Он не только может, но и должен принимать активное участие в мирской жизни, если его основная цель – забота о всех страдающих существах.

Многие положения, созданные Дэнгё-дайси, сохранялись в учении и уставах школы Тэндай на протяжении многих лет, но в наше время они неожиданно оказались актуальными для новой религиозной политики, которую вынуждена вести школа Тэндай в современной Японии.

²⁹ Газета.ру.24.06.2009.

¹ Groner P. *Saicho: The Establishment of the Japanese Tendai School*. Berkley, 1984, p.123.

² Андросов В. П. Учение Нагарджуны о срединности. М., 2006, с.602.